

Глава 10. Буря (часть вторая)

Сун Чжи, снедаемый тревогой, отбросил пустые церемонии. Шагнув к столу, он без лишних слов взялся за кисть.

В государстве Сун учёное сословие всегда стояло выше военного, и литераторы жили в почёте. Отец Сун Чжи, чиновник, пробившийся наверх через горнило государственных экзаменов, был человеком глубоких познаний. Обучение сына он начал, когда тому едва исполнилось пять лет. За семь лет, проведённых подле отца, Сун Чжи отточил почерк до совершенства.

Он писал в стиле Лю — штрихи выходили чёткими, поджарыми, в них чувствовалась скрытая мощь и стальной стержень.

Мэн Хуань поначалу наблюдал безучастно, но вскоре он посмотрел на него иначе. Он мало смыслил в тонкостях стилей Янь или Лю, но видел главное: иероглифы на бумаге радовали глаз, напоминая искусную живопись.

Но ещё больше его притягивал сам Сун Чжи, сжимавший кисть тонкой рукой с отчётливо проступающими суставами. На первый взгляд он казался бессильным, однако держал кисть уверенно и твёрдо. Белизна его кожи в контрасте с угольно-чёрной тушью рождала образ, достойный свитка великого мастера.

Закончив писать, Сун Чжи поднял голову и выжидающе посмотрел на Мэн Хуаня. Тот помедлил мгновение, прежде чем заговорить:

— От квартала Даньгуй до этого поместья — пол-Даду. Тебе будет несподручно каждый день тратить время на дорогу. Чем тебе не мило моё гостеприимство?

Сун Чжи не знал, как объяснить свой страх. Ему отчаянно хотелось спросить, почему Мэн Хуань так настаивает на его переезде, но он боялся ненароком разгневать этого человека. Нрав офицера был совершенно непредсказуем. Поколебавшись, Сун Чжи вывел на бумаге:

«Позвольте мне вернуться сегодня и всё объяснить Сю-нянь. Я справлюсь сам, не стоит утруждать ваших людей».

Мэн Хуань пробежал глазами строчки и кивнул:

— Хорошо.

Сун Чжи облегчённо выдохнул, но тут же вновь нахмурился. Нужно было придумать для Сю-нянь убедительное оправдание, которое не вызвало бы у неё подозрений. Если она хоть на миг заподозрит неладное, то скорее расшибёт голову об одного из каменных львов у ворот, чем позволит Сун Чжи остаться здесь.

Мэн Хуань, потеряв интерес к его раздумьям, небрежно махнул рукой:

— На сегодня закончим. Можешь идти.

Сун Чжи коротко поклонился и покинул комнату. У дверей его ждал Цино. Заметив багровые следы на шее юноши, слуга злорадно усмехнулся и бросил на него исполненный презрения взгляд.

Из комнаты донёсся голос Мэн Хуаня:

— Проводи его в покои.

Цино неохотно подчинился.

Комнату для Сун Чжи отвели в западном флигеле. Небольшая, но безупречно чистая, она была обставлена всем необходимым. Здесь стоял письменный стол, за которым можно было читать и заниматься каллиграфией; нашлись даже кисти, тушь и краски — всё для занятий живописью. Постель была уже застелена, комната ждала жильца.

— Молодой господин распорядился, чтобы отныне ты жил здесь, — процедил Цино, не скрывая своего раздражения. Его тон был ядовитым и резким, но послушаться приказа он не смел. — Если что-то понадобится — скажешь. Когда закончатся бумага или тушь, слуги принесут новые.

Одарив Сун Чжи напоследок косым взглядом, Цино удалился.

Оставшись один, юноша не обратил внимания на наглого слугу. Он подошёл к столу и осмотрел письменные принадлежности. Всё было отменного качества, куда лучше того, чем он привык пользоваться прежде. Хорошая бумага и краски стоили немалых денег, а ведь Сун Чжи и Сюнянь едва сводили концы с концами, перебиваясь случайными заработками от продажи картин и рукоделия. Каждая заработанная монета уходила на книги.

Глядя на это богатство, Сун Чжи почувствовал, как на душе стало чуть легче. Мэн Хуань был груб и невоспитан, но, по крайней мере, не собирался морить его нуждой.

«В этом человеке всё же есть нечто стоящее», — невольно подумал он.

Достав из-за пазухи пузырёк с мазью, который ему «пожаловал» Мэн Хуань, Сун Чжи посмотрел на него и спрятал обратно.

Когда наступил час обезьяны, Сун Чжи откланялся и покинул поместье Мэн, направляясь к переулку Синшунь. На полпути он избавился от лекарства, выбросив его в укромном месте, и

купил в лавке другой пузырёк.

Уже подходя к дому, он внезапно спохватился: шея его была в синяках и пятнах. Если Сю-нянь увидит это, сердце её обольётся кровью от тревоги. К счастью, поздней осенью сумерки сгущаются быстро. Когда Сун Чжи переступил порог, в доме уже было темно. Сю-нянь сидела в комнате при свете масляной лампы, погружённая в шитьё.

Сун Чжи, сославшись на крайнюю усталость, поспешил к себе. Отказавшись от ужина, он приложил к шее холодный компресс и нанёс мазь. К утру следы побледнели, но всё ещё были слишком заметны. Юноша тщетно пытался натянуть ворот повыше — отметины предательски выглядывали наружу. В конце концов он перерыл сундук и нашёл меховую накидку, которая надёжно скрыла шею. Только тогда он решился выйти к Сю-нянь.

Заметив её удивлённый взгляд, Сун Чжи негромко произнёс, стараясь не напрягать горло:

— Кажется, я простудился.

Он указал на горло, давая понять, что говорить ему трудно.

Сю-нянь тут же засуетилась и отправилась варить имбирный отвар. Послушно выпив жгучее питьё, Сун Чжи заговорил:

— Сю-нянь, мне сегодня нужно уйти.

Она недовольно вскинула брови:

— Исключено! Ты болен, лежи и отдыхай. Куда тебя несёт в таком состоянии?

Сун Чжи помедлил, а затем добавил:

— К тому же... мне придётся пожить в доме заказчика. Я больше не смогу возвращаться каждый вечер.

Сю-нянь замерла, она пронзительно посмотрела на него:

— Молодой господин, что-то случилось? Вы что-то скрываете?

Голос подводил Сун Чжи, поэтому он взялся за кисть:

«Сю-нянь, ты зря беспокоишься, всё в порядке. Помнишь того заказчика, о котором я говорил? Он остался очень доволен моими картинами и предложил мне постоянную работу. Его

поместье далеко, ездить каждый день утомительно, поэтому он предложил мне комнату».

Сю-нянь долго молчала, прежде чем спросить:

— И кто этот человек?

Сун Чжи, не моргнув глазом, солгал:

— Торговец солью. Из наших, из ханьцев.

Торговцы в глазах Сю-нянь стояли немногим выше слуг, но это было куда лучше, чем монгольские чиновники. По крайней мере, это не противоречило её принципам. Тем не менее она с подозрением косилась на меховой воротник, явно желая сорвать его и посмотреть, что под ним.

— А та... рана? Что с ней? — наконец спросила она.

Сун Чжи натянуто улыбнулся:

— Уже затянулась. Скоро и следа не останется.

Сю-нянь молчала очень долго.

— Вы хоть будете навещать меня? — тихо спросила она.

Сун Чжи написал:

«Конечно. Пока ты здесь, здесь и мой дом. Каждые десять дней я буду приходить к тебе».

Сю-нянь пришлось уступить. Сун Чжи был ей как сын, но она понимала своё место в его жизни и не могла диктовать ему волю.

В этот день Сун Чжи вышел поздно, и в квартал Тайпин прибыл уже к полудню.

Мэн Хуань как раз закончил утреннюю тренировку. На нём была лишь лёгкая рубаша, промокшая от пота, на подбородке блестели капли. Увидев гостя, он бросил на ходу:

— Иди в кабинет, жди меня там. Сейчас приду.

Сун Чжи молча поклонился и направился в библиотеку. Это была та самая комната, где он был вчера. Полки ломились от книг. Большую часть составляли труды по военному искусству: «Сунь-цзы», «У-цзы», «Шесть тайных учений» и другие. Рядом стояли исторические хроники — от «Ши цзи» до «Правил правления периода Чжэньгуань». Нашлись даже редкие труды вроде «Свода законов Восточной Хань» Сюй Тяньлиня и «Истории в очерках» Юань Шу. И лишь малую часть занимала конфуцианская классика — «Лунь юй» и «Шан шу».

Сун Чжи заметил, что книги по конфуцианству не пылятся без дела: судя по потёртостям на переплётах, их перечитывали не раз. Личность Мэн Хуаня становилась для него всё более загадочной.

Погружённый в созерцание корешков, Сун Чжи не заметил, как вошёл хозяин дома. Мэн Хуань негромко кашлянул, и юноша вздрогнул, поспешно отвесив поклон.

— Приветствую вас, господин... — прохрипел он.

Мэн Хуань окинул взглядом его меховой воротник, прислушался к сорванному голосу и понял: вчера он зашёл слишком далеко. Этот хрупкий ханец не выдержал его хватки.

— Раз тебе трудно говорить, будем учиться каллиграфии, — распорядился он, кивнув. — Я видел твой почерк, он хорош. Обучишь меня.

Сун Чжи был ошеломлён такой переменной, но поспешил ответить:

— Благодарю за понимание, господин.

«Как быстро он сменил тон, — подумал Мэн Хуань. — Видимо, вчерашний урок пошёл на пользу. Стал покладистее».

— На столе чай, — добавил он. — Смягчи горло.

Сун Чжи не стал упрячиться и выпил чаю, после чего заговорил:

— Искусство каллиграфии начинается с правильной осанки. Покажите, как вы обычно держитесь, когда пишете.

— Не зови меня «господином», — перебил его Мэн Хуань. — Зови, как Цино — молодым господином.

— Слушаюсь, молодой господин.

Мэн Хуань сел за стол. Привычка к воинским упражнениям давала о себе знать: спина его была прямой, как стрела, плечи развёрнуты, поза — безупречна. Он взял кисть в правую руку. Сун Чжи внимательно осмотрел его посадку и указал на правое предплечье:

— Не держите руку вяло, в ней должна быть опора.

Мэн Хуань послушно скорректировал положение руки.

— Вчера я видел ваши записи, — продолжил Сун Чжи. — Иероглифы были выведены довольно старательно.

«Это он сейчас всерьёз или издевается?» — мелькнуло в голове у Мэн Хуаня.

— Попробуйте написать несколько знаков в этой позе, — предложил Сун Чжи.

Подумав немного, Мэн Хуань вывел три иероглифа: «Сун Цзилань».

Сун Чжи привык вращаться в кругах образованных людей, даже Чжан Хуэй был знатоком канонов. Он видел разные почерки, но никогда прежде не встречал, чтобы его собственное имя писали столь... безобразно. Он невольно замолчал, глядя на бумагу. Мэн Хуань поднял на него взгляд.

Сохраняя невозмутимое выражение лица, Сун Чжи произнёс:

— Иероглиф должен быть прямым, как ваша осанка. Он не может крениться в сторону, а должен стоять твёрдо.

Мэн Хуань молча смотрел на него. Сун Чжи, никогда прежде не занимавшийся обучением, не знал, как истолковать это молчание. Он взял другую кисть и рядом с неуклюжими каракулями офицера вывел те же три знака: «Сун Цзилань».

Это были первые иероглифы, которые он научился писать в детстве; он писал их уверенно и легко. Закончив, он принялся разбирать каждый штрих, объясняя силу нажатия и угол наклона кисти. Мэн Хуань, вопреки ожиданиям, не стал насмехаться над «книжным червём» или поносить конфуцианство. Он слушал предельно внимательно.

Сун Чжи говорил долго, пока он снова не почувствовал острую боль в горле. Он закашлялся, чувствуя вкус крови, и поспешно сделал несколько глотков чая. В комнате стало жарко, и он, забывшись, снял меховую накидку. Багровые пятна на шее предстали перед взором Мэн Хуаня. Поскольку они сидели рядом, офицер не мог их не заметить.

— Ты не пользовался мазью, которую я дал тебе вчера? — спросил он.

— Пользовался, — отозвался Сун Чжи.

— Тогда почему следы не сошли?

Сун Чжи промолчал. Он не мог признаться, что выбросил подарок.

— Вы, ханьцы, ужасно хрупкие, — проворчал Мэн Хуань. — Стоит чуть коснуться, и уже раны.

Сун Чжи поспешил вернуть разговор к каллиграфии:

— Этот знак «Сун» вышел у вас куда лучше прежнего.

— Сколько нужно времени, чтобы научиться писать так же красиво, как ты? — вдруг спросил Мэн Хуань.

Сун Чжи удивлённо взглянул на него, прикинул в уме и ответил:

— Три года? Или пять?

Сам он упражнялся с кистью больше десяти лет.

Утро пролетело незаметно. Когда пришло время обеда, Сун Чжи сказал:

— Вы уже много лет пишете по-ханьски, поэтому обычные прописи для детей вам не подойдут. К тому же вам вряд ли придется по душе изящные, «женские» стили. На днях я подберу для вас несколько свитков с мощным, волевым почерком. Выберите тот, что будет вам по сердцу, и станете ему подражать.

Мэн Хуань усмехнулся, глядя на него с непонятым выражением:

— Мне нравится твой почерк. Разве я не могу учиться на твоём примере?

— Мои каракули чего-то стоят, но им не сравниться с работами истинных мастеров, — возразил Сун Чжи. — Если хотите достичь совершенства, нужно следовать эталонам. Я не хочу стать причиной вашего дурного обучения.

Мэн Хуань кивнул:

— На сегодня хватит. Завтра продолжим.

Сун Чжи с облегчением выдохнул, допил чай и направился к себе. Обед ему принесли прямо в комнату. Кухня в богатом доме была отменной, и проголодавшийся юноша с удовольствием съел две полные чаши риса.

После обеда он остался в комнате за чтением. Около часа козы до него донеслись голоса за дверью:

— Тот ханьский учитель, которого нанял Мэн Хуань, здесь?

— Да, госпожа, он в этой комнате, — ответил слуга.

— Отвори дверь. Я хочу видеть, достоин ли этот человек учить Мэн Хуаня.

Голос, звонкий и властный, мгновенно вырвал Сун Чжи из мира книг. Он понял: беда сама постучалась в его двери. К нему пришла Чомань.

<http://bllate.org/book/17487/1693729>